

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ: ОТ ФАТИКИ К ПРАГМАТИКЕ

Рассматривается проблема перформативности коммуникации в пределах от фатики к прагматики. Существование языка по правилам раскрывается через понятие «генеративной грамматики», которая позволяет дать объяснение его существования, предполагает скрытую (*tacit*) компетенцию говорящего-слушающего, лежащую в основе языка конкретного исполнения (*performance*) в процессе производства и восприятия (понимания) речи. Коммуникативные пределы (*limit*) социального проявляются как границы перформативности коммуникации. На верхнем пределе – (идеальная) компетенция (*перформативные правила языка*), на нижнем – фатика (*перформативные неписанные правила социального*).

Ключевые слова: неписанные правила; фатическая коммуникация; генеративная грамматика; реальная / идеальная языковая компетенция; языковые игры.

Актуальность темы обусловлена резким возрастанием внимания в современных условиях к такому социальному феномену, как коммуникация. Она становится объектом исследования на различных уровнях и в различных концептах: социологическом, кибернетическом, политологическом, социобиологическом, философском, психологическом, лингвистическом, культурологическом и т.д. Такое положение является вполне закономерным и объяснимым. Происходящая в современном мире глобальная трансформация индустриального общества в информационно-коммуникативное общество сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникативных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности [1], современных изменений в социально-коммуникативной сфере, места и роли коммуникаций в развитии общества.

Сегодня представления немецкого социолога Никласа Лумана о коммуникации как о сущностной характеристике самого общества, его утверждения о том, что «человеческие отношения, да и сама общественная жизнь невозможны без коммуникации» [2. С. 43], что «только коммуникация может осуществлять коммуникацию» [3. С. 17], приобретают новый смысл и вызывают особый интерес. Весьма актуальным в этом плане является осмысление с позиций современности теорий коммуникативного действия Юргена Хабермаса [4], коммуникативного сообщества Карла-Отто Апеля [5], коммуникативной рациональности. Ю. Хабермас разрабатывает концепцию интеракции (общения), определяя её как более универсальную по отношению к теории производственных отношений К. Маркса, К.-О. Апель свое видение общества и морали строит вокруг идеала «общества неограниченной коммуникации», Н. Луман понимает общество как систему коммуникаций. Именно здесь раскрывается сущность коммуникативности, коммуникативной общности, коммуникативного пространства, коммуникативной среды, коммуникативного действия, коммуникативного процесса, что, безусловно, имеет важное значение для понимания сущности и природы коммуникации.

Под коммуникативным действием Ю. Хабермас понимает такое взаимодействие, по крайней мере,

двух индивидов, которое упорядочивается согласно нормам, принимаемым за обязательные. В коммуникативном действии, как и прежде, акцентировалась нацеленность «актеров», действующих лиц, прежде всего и именно на взаимопонимание, поиски консенсуса, преодоление разногласий. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное действие – на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус. Это согласие относительно ситуации и ожидаемых следствий основано скорее на убеждении, чем на принуждении. Оно предполагает координацию тех усилий людей, которые направлены именно на взаимопонимание.

Выдвинутый Ю. Хабермасом коммуникативный подход представляет интерес для понимания реалий современной жизни, например виртуальной коммуникации, которая достигла в последние годы колоссального масштаба в большинстве развитых стран. Он выделяет три типа коммуникаций и соответствующих им действий. Когнитивной коммуникации соответствуют инструментальное и стратегическое действия, интерактивной коммуникации – нормативно регулируемые действия, и экспрессивной коммуникации – драматургическое действие [16].

Перенесённое на текст действие рассматривается как способ саморепрезентации индивидуальности в коммуникации (Ю. Хабермас). Перформативность вводится как альтернатива дескриптивности (англ. *descriptive* – описательный, *лингв.* описывающий), синхронного состояния языка (в какой-л. момент времени) посредством дистрибутивного метода. Дескриптивная (описательная) лингвистика возникла в Соединенных Штатах в 20–30-х гг. XX в. Поскольку в своих исследовательских приемах она опирается на структурные принципы, постольку ее рассматривают как одно из направлений структурализма. В последние десятилетия многие последователи этого направления сближаются в теоретических посылах с глоссематикой, однако американский дескриптивизм при зарождении не опирался на лингвистическую концепцию Ф. де Соссюра. Он основывался на «поведенческой» психологии (бихевиоризм), большое внимание уделял разработке исследовательских приемов при анализе текста и в значительной степени опирался на материал языков североамериканских индейцев. Будучи вызванной к жизни практической задачей изучения индейских языков, дескриптивная лингвистика в

последующем стремилась переносить выработанные ею принципы изучения языка на материал других языковых семей. В развитии ее принципов можно выделить несколько этапов, связанных с научной деятельностью ряда крупных лингвистов — Ф. Боаса, Э. Сепира, Л. Блумфилда, З. Харриса и др.

Ю. Хабермас рассматривает перформативность как коммуникативное требование для самопонимания и самоутверждения. Перформативный текст — это тип текста, являющегося в первую очередь действием: во-первых, коммуникативным действием, а во-вторых, действием саморепрезентации — репрезентацией себя через актуализированные способы мысли и деятельности [17].

Изначально понятие перформативности было введено Дж. Остином по отношению к высказываниям, которые не просто описывают некоторые действия, но сами являются действиями. В основу теории речевых актов было положено понятие перформатива (от ср.-лат. *performato* — действую) как слова или высказывания, эквивалентного действию, поступку. Выделив перформативность в качестве особого языкового явления, Дж. Остин обобщил им в дальнейшем, по существу, все типы высказываний.

Перформативы (перформативные высказывания) по своей структуре совпадают с повествовательными предложениями, но, в отличие от последних, не описывают действие, а равносильны осуществлению действия. Свойством перформативности обладают глагольные формы изъявительного наклонения настоящего времени первого лица. Их употребление и позволяет назвать высказывание перформативом. «В то время как констативные высказывания описывают существующее состояние дел или утверждают факты и, как следствие, являются истинными или ложными, перформативные высказывания сами влекут за собой действия, которые они называют...» [6. С. 14].

Самым важным достоинством этого подхода является то, что он переводит обсуждение многих проблем философии языка в более широкий контекст дискуссий о действиях людей и человеческом поведении вообще. «Вместо того, чтобы смотреть на отношения между словами и миром как на существующие *in vacuo*, стало возможным видеть в них намеренные действия говорящих, использующих конвенциональные средства (слова, предложения)...» [Там же. С. 15].

Дж. Остин был, вероятно, первым кто обратил внимание на то, что языковые конструкции являются не только и не столько описаниями, выделив «тип высказываний, которые выглядят как утверждения и которые грамматически... классифицируются именно как утверждения, — но, не являясь бессмысленными, не могут быть ни истинными, ни ложными» [7. С. 264]. Очевидно, что использование перформативных высказываний не может быть истинным или ложным, зато оно может быть успешным или неуспешным. Рассмотрение тех условий, при которых перформативы будут результативными, заставляет Остина выстраивать целую классификацию возможных неудач, возникающих при несоблюдении некоторых из этих условий, и отличать, например, «осечки» (когда произнесение словесной формулы не произво-

дит соответствующего действия) от «злоупотреблений» (когда действия производятся, но рассматриваются как «притворные» или «неискренние»). «Учитывая же намерения говорящего подводит Остина к необходимости разграничить локутивное действие “он сказал, что...” от иллюкутивного действия “он настаивал на том, что...” и от перлокутивного действия “он доказал мне, что...”» [8. С. 90].

Иначе говоря, получается, что одно-единственное высказывание разом совершает три действия, точнее, любое высказывание должно быть рассмотрено как минимум в этих трех аспектах; причем для Остина важнейшим является иллюкуция в качестве собственно речевого действия, в отличие от локуции, отсылающей к значению и смыслу сказанного, и перлокуции, обозначающей последствия произнесения. Действенность, или иллюкутивная сила высказывания, тогда будет зависеть от соблюдения (обще)принятых процедур и социальных конвенций. Однако конвенциональной значимостью могут обладать даже невербальные действия, не говоря уже об обычных констативах (например, «виновен» вместо перформативного «обвиняю»). Так что сам Остин вынужден признать, что исходно принятое различие между перформативными высказываниями и утверждениями в дальнейшем ослабляется настолько, что практически перестает быть таковым, и даже позднее заподозрить: «...не окажутся ли все высказывания перформативными?» [Там же]. А Серль уже вполне определенно резюмирует: «...точно так же, как высказывание определенных слов конституирует бракосочетание (перформатив), а высказывание других слов составляет обещание (еще один перформатив), так и произнесение определенных слов конституирует совершение утверждения (предположительно — констатив). Совершение утверждения — в той же степени осуществление иллюкутивного акта, как и совершение обещания, заключения пари, предостережения и т.п. Любое высказывание состоит в осуществлении одного или нескольких иллюкутивных актов» [9. С. 244–245]. Но если все высказывания оказываются перформативными, то это утверждение мало что дает — например, для понимания специфики тех высказываний, которые Остин первоначально назвал «перформативными». Поэтому стоило бы выделить перформативность как такой аспект любого речевого акта, который указывает на сам факт свершения высказывания, олицетворяющий выполненность соответствующего жеста. Тогда вполне четко можно сформулировать, что хотя перформативность в этом смысле и свойственна любому высказыванию, тем не менее в некоторых случаях она не является принципиальной (т.е. не требуется для понимания / объяснения высказываний и, тем самым, позволяет от нее абстрагироваться), а для других ситуаций будет неустранимой. Перформативные высказывания, в исходном остиновском смысле, точнее, самые яркие примеры, демонстрирующие перформативные эффекты, по самому своему устройству отличаются одной примечательной особенностью: они одновременно и описывают совершение некоторого действия (по модели ответа на вопрос «Что я

сейчас делаю?»), и самим (ф)актом произнесения выполняют его (по крайней мере, номинально – намерение говорящего, равно как наличие или отсутствие тех или иных последствий, в данном случае неважно). «Иными словами, хотя наличной выполненностью обладают любые высказывания – только уже в силу того, что они высказаны, – далеко не все из них производят самим фактом своего осуществления какие-либо заметные перформативные эффекты» [10. С. 138].

Перформативный эффект социального действия, вызываемый произнесением ритуальных слов в определенных ситуациях по принятым правилам (перформативных высказываний в исходном остиновском смысле), возникает совершенно независимо от намерений говорящего. Это значит, что язык есть (речевое) действие, в результате которого (в момент некоего артикулирования) совершается действие. Таким образом, артикуляция (сама) предъясвляет себя, она само-предъясвляется. Тем самым, её (*суть*) сущность – это совокупность того, «что она говорит» и «о чём она говорит».

Как отмечает В. Кузнецов, «...в практической коммуникации произнесенное в подходящей ситуации обещание или извинение автоматически расценивается как произведенное...» [Там же. С. 141]. Это и есть непосредственное (речевое) действие, и тогда коммуникация оказывается непосредственным действием. В результате можно заключить, что коммуникация перформативна.

Коммуникация перформативно разворачивается на разных уровнях. «Любой коммуникативный жест должен быть выполнен, воплощен в некотором воспринимаемом действии (причем – в зависимости от ситуации – такого рода жестом вполне могут выступать и молчание, и бездействие)» [Там же. С. 142]. «Уже само по себе наличие произведенного высказывания неизбежно вытягивает из отсутствия и притягивает к присутствию (причем совершенно независимо от направленности речевого акта или намерения говорящего)» [Там же. С. 143]. Это значит, что речь идет об одновременном присутствии (*при-сути*) слова и действия. То есть перформативность находит выражение тогда, когда слово является действием, или, иначе, слово есть действие. Другими словами, наличие фразы (или некоего артикулирования) подразумевает совершение речевого действия.

Таким образом, проблема перформативности коммуникации заключается в способах ее самопредставленности в социальном дискурсе, объективация смысла которого предъясвляется в опространствливании социального существования как пребывания в определенных границах: от фатики к прагматике. Чем выше уровень (*прагматического*) существования коммуникации, тем больше смысла она производит, чем уровень ее (*фатического*) существования ниже, тем смысла меньше.

Коммуникация только с точки зрения её существования проявляется как фатическая: «...фатическое общение, непосредственная коммуникативная задача которого неявно заключается в самом общении, перформативно воссоздает само себя и (заодно с

проверкой работоспособности коммуникационных каналов) актуализирует сеть социальных связей, поддерживающую устойчивость общества» [10. С. 144]. Фатическое общение рассмотрено известным представителем английской антропологической школы Б. Малиновским и представляет некую *связность* социального, которая проявляется при помощи коммуникативных средств.

Фатическая функция языка (от гр. *phatos* – говорят) подчеркивает то, что этологи бы назвали «связью функции» языка. Иначе говоря, фатика – бессодержательное общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса коммуникации, «о том, о сем, а больше ни о чем», разговор, в котором участвующие стороны не ставят перед собой никакой коммуникативной цели, не прибегают ни к каким речевым тактикам, а обмениваются репликами. Согласно словарю культуры речевого общения, фатические беседы тоже нужно уметь вести, соблюдая *неписанные правила* о их темах, ситуациях ведения и другое. Неписанные правила социального предъясвляются посредством фатического общения.

Малиновский отмечал: «...я думаю, что обсуждая функцию речи, какую она выполняет в тех случаях, когда выступает лишь как некая условность при общении, мы подходим к одному из основных социальных аспектов человеческой природы. Всем людям свойственна хорошо известная тенденция объединяться, быть вместе, иметь удовольствие от общения. Многие инстинкты и внутренние стремления, такие как страх или агрессия, все типы социальных чувств, таких как амбициозность, тщеславие, жажда власти и богатства, зависят от фундаментальной тенденции, которая делает простое присутствие других людей необходимостью для человека» [11. С. 213].

Таким образом, речь неразрывно связана с тенденцией объединяться. Молчание собеседника не добавляет уверенности человеку, а напротив, выступает как тревожный или даже опасный признак. Незнакомец, который не говорит на понятном языке, для всех туземцев является естественным врагом. Для людей с примитивным сознанием, будь то дикари или представители необразованных классов, молчаливость означает не только недружелюбие, но и прямо-таки плохой характер. Это можно считать общим правилом. В результате прервать молчание, перекинуться парой слов – это первое, с чего начинается выражение дружелюбия, которое затем утверждается дежежом пищи и совместной трапезой [18]. Современное английское выражение «*nice day today*», «*how are you?*» или меланезийская фраза «*откуда ты?*» необходимы для снятия странного, неприятного напряжения, возникающего когда встретившиеся лицом к лицу люди молчат [19].

В результате общность, достигаемая между людьми в процессе речевой деятельности, не имеет иного смысла, кроме *объединения* людей. Она носит форму фатического общения, которое приобретает характер *неписанных правил*.

Таким образом, речь идет о «нулевом» уровне языка социального, когда коммуникация не несет ни-

какой информации, кроме того, что она существует и подтверждает существование общества через саму себя. Когда мы говорим о «нулевой коммуникации», то подразумеваем существование «нулевого» уровня языка, где присутствуют слова с пустыми значениями. Эти слова входят в коммуникацию, и на её пределе – в «нулевом» общении – их смыслы не задействованы. То есть, например, когда мы задаем вопрос о погоде, никого не интересует содержание данного вопроса, какая в действительности погода, не имеет значения, а интересует форма – сам вопрос о погоде. Таким образом, нулевая коммуникация – это и есть «чистая» форма социального.

Понятие фатической / контактоустанавливающей функции языка в лингвистику ввел Р. Якобсон. В его концепции адресант и адресат осуществляют коммуникацию, в которой код является носителем смысла. Но если оба участника коммуникации знают код, то смысл (информативная составляющая) самой коммуникации на пределе утрачивается.

Иными словами, на пределе системы, задаваемой Якобсоном, утрачиваются значения (*отсылки к предметности*), информация исчезает, а коммуникация сохраняется как фатическая *чистая форма* социального. Смыслом такого общения служит его обнаружение в *нулевом* состоянии субъективности, или в *нулевом* значении её предъявленности. Иначе говоря, при фатическом общении социальное обнаруживается как *нулевая* субъективность в её *нулевом* состоянии. Содержание фатического общения также *нулевое*. Его смыслом становится сохранение контакта (*канала связи открытым*). Таким образом, *нулевая* субъективность существует, сохраняя предельный смысл – её сущность. Как отмечал М. Хайдеггер, «язык есть язык», делая акцент на способе самообнаружения (*сути*) языка.

В результате можно заключить, что в фатическом общении или тавтологическом высказывании («язык есть») *означаемое / форма и значение / содержание* совпадают. Фатическая коммуникация объективирует социальное на *нулевом* уровне социальной субъективности. Иначе говоря, в *нулевой* точке на пределе социального имеется *негласное / неписаное правило* о существовании коммуникации.

По мнению Хомского, «...лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим-слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении» [12. С. 9].

Хомский также отметил, что «можно провести фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим-слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае употребление – это непосредственное отражение компетенции. В действительности же оно не может непосредственно ее отражать. «Запись естествен-

ной речи показывает, сколь многочисленны в ней оmissions, отклонения от правил, изменения плана в середине высказывания и т.п. Задачей лингвиста, также как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления лежащую в их основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении» [12. С. 9–10].

Иначе, задействуя понятие компетентности, Хомский попытался найти универсальные основания языка, его правила через объективацию фатической коммуникации. Так как в язык рождаются и ему обучаются, он имеет общее место (*топос*) начала его исследования.

Понимание содержания коммуникации внутри сообщества (*со-общества*) обеспечивается существующими правилами языка, выработанными в прошлом, а осуществление коммуникации происходит в настоящем. Н. Хомский, акцентируя внимание на правилах языка, ввел понятие *генеративной грамматики*, предусматривающей изначальную способность индивида к воспроизводству речи, способности к коммуникации. Под генеративной грамматикой, писал Хомский, «я понимаю описание скрытой (*tacit*) компетенции говорящего-слушающего, которая лежит в основе его конкретного исполнения (*performance*) в процессе производства и восприятия (понимания) речи» [Там же. С. 146]. Задачей генеративной грамматики, по мнению Хомского, является точное определение способов совмещения звуковых и смысловых отражений, диапазон которых бесконечен.

Таким образом, генеративная грамматика – это гипотеза о том, как говорящий-слушающий истолковывает высказывания; при этом она абстрагируется от многочисленных факторов, которые взаимодействуют со скрытым соответствием заданным паттернам и определяют их конкретный вид воплощения в жизнь. Тем самым модель универсальной / генеративной грамматики обнаруживает / объективирует, или натурализует, фатическую коммуникацию. *Неписаным правилом* социального оказывается присутствие данной языковой фа(к)тической организации общества согласно идее о том, что язык (уже) существует или, иначе, «язык есть».

Таким образом, генеративная грамматика предусматривает в равной мере наличие языковой интуиции у ребенка и у лингвиста, наделенных общим основанием (*местом*) начала исследования языка.

Сам язык закладывает условия для осуществления фатической коммуникации. Так как «языковая компетенция» согласуется с *неписаными правилами* социального, инвариантность «культурной компетенции» предстает как предположение о возможности фатической коммуникации, которая оказывается условием понимания социального. Реальная компетенция – это отклонение от «универсальной прагматики», от системы правил / паттернов, лежащих в основе системы «полной» компетенции. Иными словами, компетенция – это идеальная прагматика языка. Она находится выше его реального употребления.

В итоге коммуникация социального определяется (*о-пределяется*), с одной стороны, коммуникацией,

существующей как языковое явление, где компетенция – это «перформативность правила языка», а с другой – коммуникацией как явлением (*контактом*) социальным, где фатика («нулевой» уровень языка) обнаруживает «перформативность неписаных правил социального». Таким образом, коммуникативные пределы (*limit*) социального проявляются как границы перформативности коммуникации. На верхнем пределе – (идеальная) компетенция (*перформативные правила языка*), на нижнем – фатика (*перформативные неписанные правила социального*).

Любые правила существуют как общие (среди них нет неких правил в их особенности вне языка и до него). Поскольку эти *языковые правила* актуализируются только перформативно, постольку овладение ими осуществляется в процессе употребления языка. О том, как осуществляется социальная коммуникация (о языковой прагматике), писал Л. Витгенштейн: «...весь процесс употребления слов в языке можно представить и в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры “языковыми играми” и говорить о некоем примитивном языке как о языковой игре. Языковой игрой я также буду называть единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [13. С. 83].

Это значит, что в основу понятия *языковой игры* положена аналогия между поведением людей в *играх* как таковых и в разных системах *реального действия*, в которые вплетен язык. Их подобие усматривается, в частности, в том, что и там и тут предполагается заранее выработанный комплекс *правил*. В результате под *языковыми играми* понимаются модели (образцы, типы) *работы* языка и его варьируемых функций.

Сначала для каждого речевого *употребления языка* отыскиваются его *элементарные образцы*. Затем на этой основе осуществляется постепенное мысленное воссоздание, или «реконструкция», практик все более зрелых, в том числе тех, что связаны с применением искусственных языков. Иначе говоря, в *языке* различается как бы множество *языков*, выполняющих разные функции. Когда ребенок или взрослый, поясняет Витгенштейн, учатся тому, что можно назвать специальными техническими языками – употреблению карт, диаграмм, описательной геометрии, химической символике и т.д., то они учатся новым языкам.

Таким образом, применяя на практике *элементарные образцы* языка, согласующиеся с фатическим общением (где есть означаемое слов, а их значения пусты), возникают новые языки, выполняющие различные функции. Языковые игры – это *присвоение* или *пере-присвоение* значений в то время, когда язык находится в действии, в его употреблении. В результате, язык всегда *перформативен*, т.е. высказывание получает значимость, прежде всего, в речевом акте и через него.

Иначе говоря, социальная коммуникация начинает себя обнаруживать – объективировать – через языковые игры. В социальное могут включаться действия, которые можно понимать как язык, подчиненный определенным правилам. Другими словами, речь идет о *правилах*, раскрывающихся как общее основание

языковых игр совместно с языком и действием. В итоге через понятие элементарного образца – «образца употребления» или «образца действия» – понятие языка расширяется на основе действия. То есть если речь идет о *правилах* как общем основании языка и действия, то возникает возможность появления новых языков. В результате охват (употребление) языка становится предельно широким, а это значит, что понимание правил, лежащих в основе «языкового взаимодействия», «языковой практики», или общения, обеспечивает понимание языка социальной коммуникации.

Как отметил Л. Витгенштейн, «...наша вера зависит от того что мы усваиваем... если мы вполне уверены в чем-то, это означает не только то, что в этом уверен каждый порознь, но и то, что мы принадлежим к сообществу, объединенному наукой и воспитанием» [14. П. 286, 298]. Это значит, что в каждом обществе (*со-обществе*) существует свой язык, свои *неписанные правила* (паттерны), лежащие в его основе. Данный язык усваивается на базе элементарных языков в результате языковой практики / прагматики, или коммуникации [15].

Итак, перформативность коммуникации осуществляется в пределах от фатики к прагматике. *Неписанные правила* социального объективируются в фатической коммуникации, например в идее *связности* общества – в бессодержательном общении, использующем коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса коммуникации. Речь идет о «нулевом» уровне языка социального, когда коммуникация не несёт никакой информации, кроме той, что она существует и подтверждает существование общества через саму себя. Это значит, что «*пустые*» значения слов становятся «*чистой*» формой социального, или, иначе говоря, форма и содержание социального совпадают в субъект-объектном тождестве в фатическом общении, что подтверждает идею о перформативности коммуникации, применении языка в действии.

Другим способом проявления фатического общения или *неписаных правил* социального является, в частности, вежливость, которая обнаруживает себя в ситуации невежливости в качестве исключения через ее нарушения. Таким образом, с одной стороны, вежливость определяет (*о-пределяет*) своих и чужих, с другой – чужой, постоянно появляясь на пределе сообщества, объективирует вежливость на его границе. Нарушение правил вежливости как бы всё время выбрасывает сообщество на его границу, тем самым определяя его, а также актуализирует вопрос о способе идентификации индивида, оказавшегося на границе общества (*со-общества*). Таким образом, коммуниканты посредством правил приличия (вежливости) объективируют наличие фатической коммуникации, её перформативность.

Существование языка по правилам раскрывается через понятие «генеративной грамматики», предусматривающей изначальную способность индивида к воспроизводству речи и коммуникации. «Генеративная грамматика» позволяет дать объяснение существования языка, предполагает скрытую (*tacit*) компе-

тенцию говорящего-слушающего, лежащую в основе его конкретного исполнения (*performance*) в процессе производства и восприятия (понимания) речи. Её задачей является точное определение способов совмещения звуковых и смысловых отражений, диапазон которых бесконечен. То есть универсальная / генеративная грамматика позволяет обнаружить / объективировать, или натурализовать, фатическую коммуникацию. Здесь *неписаным правилом* социального оказывается присутствие данной языковой фа(к)тической организации общества, согласно идее о том, что язык (*уже*) существует или, иначе, «язык есть».

Существует фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка говорящим-слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае употребление предстает как непосредственное отражение компетенции. Для овладения языком исследователю необходимо понять его правила / паттерны, лежащие в основе идеальной компетенции / идеальной прагматики языка, так как она находится на другом уровне его реального употребления. Реальная компетенция – это отклонение от «универсальной прагматики», от системы правил / паттернов, лежащих в основе системы «полной» компетенции.

В итоге коммуникация социального определяется (*о-пределивается*), с одной стороны, коммуникацией, существующей как языковое явление, где компетенция – это «перформативность правила языка», а с другой – коммуникацией как явлением социальным, где фатика («нулевой» уровень языка) обнаруживает «перформативность неписаных правил социального». Коммуникативные пределы (*limit*) социального проявляются как границы перформативности коммуникации. На верхнем пределе – (идеальная) компетенция (*перформативные правила языка*), на нижнем – фатика (*перформативные неписанные правила социального*).

Языковая прагматика предусматривает наличие правил языка, которые находятся внутри него. Понятие «языковые игры» представляет совокупность (*правил*) языка и (*социальных*) действий, с которыми он переплетен. Модели (образцы, типы), или, иначе, «языковые игры» – это варианты работы языка и его варьируемых функций. Таким образом, в процессе

употребления языка сначала подбираются его *элементарные (правильные) образцы*, согласующиеся с фатическим (*социальным*) общением, где значение и означаемое совпадают, затем возникают новые языки, выполняющие различные функции. Это значит, что языковая игра проявляется в языковой социальной коммуникации и разворачивается по двум видам правил: языковых и социальных.

Перформативность коммуникации объективируется в фатическом общении на «нулевом» уровне социального языка, например, в правилах вежливости, а также в языковой прагматике – «языковых играх», предусматривающих присвоение или пере-присвоение значений.

Таким образом, перформативность коммуникации актуализируется в ее дискурсивном самоопределении, где она, с одной стороны, оказывается тем, *кто* определяет, – субъектом (*прагматического*) дискурса, с другой стороны, тем, *что* определяется, – объектом (*фатического*) дискурса. Соответственно, возникает как возможность её идентификации через саморефлексию, так и возможность самоопределения коммуникации через объективные структуры. Мы полагаем, что перформативность коммуникации существует в границах от фатики к прагматике только тогда, когда она понимается (эксплицируется) в аспекте субъект-объектного тождества. Здесь коммуникация самопредставляется через самоотношение бытия (*неподвижного*) фатического основания, включающего правила языка и неписанные правила социальной реальности, и оказывается точкой со-бытия, т.е. некоторой социальной (*подвижной*) прагматической позицией (языковые игры), существующей в пространстве социальной реальности. Тем самым, перформативность коммуникации предъясвляется как её самоманифестация в движении по поверхности социальной реальности. Прокладывая направления движения (*социального дискурса*), коммуникация само-предъясвляется, одновременно проявляя структуру (*языковые и неписанные правила*) социального пространства, которая само-устанавливается как имманентная поверхность само-конструирования коммуникации. Смыслы социального дискурса – от фатики к прагматике – самоопределяются через точку самопредставленности коммуникации (*посредством языковых игр*) в поименованных структурах социальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Третьяк Г.Е. Сущность коммуникации и ее место в социокультурной реальности. URL: <http://www.festu.ru>
2. Луман Н. Невероятность коммуникации. URL: <http://u.to/IcYRCg>
3. Луман Н. Что такое коммуникация? URL: <http://u.to/6M8RCg>
4. Эйнштейн А. Собрание научных трудов : в 4 т. М. : Наука, 1967. Т. 4. 879 с.
5. Юм Д. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1965. Т. I. 846 с.
6. Сёрл Дж.Р. Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл ; пер. с англ. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2010. 208 с.
7. Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. 2006.
8. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. М., 1999.
9. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. II. М., 1999.
10. Кузнецов В. Перформативность и уровни коммуникации // Логос. 2009. № 2 (70). URL: <http://u.to/ME9ZCg>
11. Малиновский Б. Проблема значения в примитивных языках // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. V, № 3. С. 199–217.
12. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. URL: <http://u.to/qLOFBw>
13. Витгенштейн Л. Философские исследования. URL: <http://u.to/08AFBw>
14. Витгенштейн Л. О достоверности. URL: <http://u.to/oJXOBg>
15. Витгенштейн Л. Логико-философские исследования. URL: <http://u.to/ixIWBw>

16. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М. : Academia 1995. 256 с.
17. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
18. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингво-культурных традиций. URL: <http://u.to/6hkWBw>
19. *Яркев А.В.* Этническая идентичность в дискурсе социального мифа. Ижевск : Удмуртский университет, 2009. 180 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 28 февраля 2015 г.

PERFORMATIVE COMMUNICATION: FROM PHATIC TO PRAGMATIC

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 107-113. DOI 10.17223/15617793/394/18

Chigvintseva Olga A. Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: ochigvintseva@list.ru

Keywords: unwritten rules; phatic communication; language competence: real/ideal; language games.

The performativity of communication is carried out from the phatic to the pragmatic. The unwritten rules of social reality are objectified in phatic communication, for example, in the idea of the connectedness of society – in the dialogue without content that uses communication tools for the sole purpose of maintaining the process of communication. It is the "zero" level of the social language, when communication does not have any information, it only exists and confirms the existence of society through itself. This means that the "empty" meanings of words become the "pure" form of social reality or, in other words, the form and content of social reality coincide in the subject-object identity in phatic communication, which reinforces the idea of performativity of communication, application of language in action. Another way to manifest phatic communication or unwritten rules of social reality is politeness which finds itself in a situation of incivility as an exception through its violation. The existence of language by the rules is revealed through the concept "generative grammar" which provides the original ability of an individual to reproduce speech, the ability to communicate. Its goal is to accurately identify ways of combining sound and meaning reflections whose range is infinite. Thus, the universal / generative grammar can detect / objectify or naturalize phatic communication. The unwritten rule of social reality here is the presence of this linguistic phatic / factual organization of society according to the idea that language exists (*already*) or, otherwise, "there is language". That is, the communication of social reality is determined (limited) by: on the one hand, communication existing as a linguistic phenomenon where competence is the "performativity of the language rule"; on the other, communication as a phenomenon of social reality (*social contact*), where phatic dialogues ("zero" level of language) are the "performativity of unwritten rules of social reality". Thus, communication limits (*borders*) of social reality appear as boundaries of the performativity of communication. The upper limit is the (*ideal*) competence (*performative language rules*), the lower is phatic communication (performative social unwritten rules). Linguistic pragmatics includes the presence of the rules of the language that are inside it. The language is intertwined with (social) actions and a set (*of rules*) of language that submit to the concept of "language games". The models (samples, types) or, otherwise, "language games" are options of language and its varied functions. Thus, during the use of the language, one initially chooses its elementary (right) samples, consistent with phatic (*social*) communication, where the meaning and the signified coincide, then new languages with different roles appear. This means that the language game manifests itself in the language of social communication, since it occurs in two types of rules: linguistic and social.

REFERENCES

1. Tret'yak G.E. *Sushchnost' kommunikatsii i ee mesto v sotsiokul'turnoy real'nosti* [The essence of communication and its place in the social and cultural reality]. Available from: <http://www.festu.ru>
2. Luhmann N. *Neveroyatnost' kommunikatsii* [Improbability of communication]. Available from: <http://u.to/lcYRCg>.
3. Luhmann N. Chto takoe kommunikatsiya? [What is communication?]. Available from: <http://u.to/6M8RCg>.
4. Einstein A. *Sobranie nauchnykh trudov: v 4 t.* [Collection of Scientific Works: in 4 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1967. V. 4, 879 p.
5. Hume D. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. Moscow: Mysl' Publ., 1965. V. I, 846 p.
6. Searle J.R. *Filosofiya yazyka* [The philosophy of language]. Translated from English. 2nd edition. Moscow: Editorial URSS Publ., 2010. 208 p.
7. Austin J. *Tri sposoba prolit' chernila* [Three ways of Spilling Ink]. Translated from English. St. Petersburg: Aletyya Publ., 2006. 335 p.
8. Austin J. *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press Publ., Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999, pp. 13–135.
9. Searle J.R. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [The classification of illocutionary acts]. Translated from English by V.Z. Dem'yankov. In: Mazo V.D. (ed.) *Zarubezhnaya lingvistika* [Foreign Linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1999. Is. 2, pp. 229–253
10. Kuznetsov V. Performativnost' i urovni kommunikatsii [Performativity and levels of communication]. *Logos*, 2009, no. 2 (70). Available from: <http://u.to/ME9ZCg>.
11. Malinovskiy B. The problem of meaning in primitive languages. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*, 2005, v. V, no. 3, pp. 199–217. (In Russian).
12. Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax]. Available from: <http://u.to/qL0FBw>.
13. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Available from: <http://u.to/08AFBw>.
14. Wittgenstein L. *O dostovernosti* [On Certainty]. Available from: <http://u.to/oJXOBg>
15. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskie issledovaniya* [Logical-Philosophical Treatise]. Available from: <http://u.to/ixIWBw>.
16. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Democracy. Reason. Morality]. Moscow: Academia Publ., 1995. 256 p.
17. Habermas J. *Teoriya kommunikativnogo deystviya* [Theory of communicative action]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya*, 1993, no. 4, pp. 43–63.
18. Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvo-kul'turnykh traditsiy* [Category of politeness and communication style: A comparison of British and Russian linguistic and cultural traditions]. Available from: <http://u.to/6hkWBw>
19. Yarkov A.V. *Etnicheskaya identichnost' v diskurse sotsial'nogo mifa* [Ethnic identity in the discourse of social myth]. Izhevsk: Udmurtia State University Publ., 2009. 180 p.

Received: 28 February 2015